
А. С. ДЕМИН

Челобитные Аввакума и одна из неисследованных традиций деловой письменности XVII в.

Нет никаких сомнений, насколько велико было влияние так называемой деловой письменности на литературное творчество протопопа Аввакума. У этого крупнейшего писателя Древней Руси нет, пожалуй, ни одного произведения, так или иначе не связанного с традициями деловой письменности. Многообразие этих менявшихся традиций и их связей с литературой мы знаем еще очень плохо. Поэтому неудивительно, что большая тема — Аввакум и деловая письменность — до сих пор остается почти совершенно не изученной.

В данной статье речь пойдет лишь об одной традиции деловой письменности XVII в., использованной Аввакумом. Интереснейший материал для наблюдений содержится в его первой челобитной царю Алексею Михайловичу.

Первую челобитную, которая дошла до нас в автографе автора, протопоп Аввакум написал, как известно, весной 1664 г., вернувшись в Москву из сибирской ссылки. Патриарх Никон к этому времени уже отказался от патриаршества, и протопоп в челобитной пытался убедить царя отменить никоновские реформы. Кроме того, Аввакум ввел в челобитную большой рассказ о своих мучениях за веру, которые он терпел в течение двадцати лет от бывшего патриарха Никона, а в сибирской ссылке — от бесчеловечного воеводы Пашкова.

К первой челобитной приложен другой документ Аввакума, написанный его же рукой, — записка о мучениях и надругательствах Пашкова над другими людьми, кроме ссыльного протопопа. Если последовательно проследить, что говорится о Пашкове в челобитной и записке, то создается впечатление, словно о Пашкове рассказывает не один Аввакум, а несколько разных авторов, каждый со своей точки зрения. Разберем подробнее это явление и его истоки.

В челобитной Аввакум повествует царю о своих муках, «обливаясь многими слезами»;¹ восклицания, эмоциональные эпитеты, уменьшительные существительные, повторы и прочий арсенал средств, выражающий взволнованность и возмущение челобитчика, употребляется почти непрерывно. «Увы, души моей бедной!.. во одиннатцеть лет на хрепте моем делаща язв незаконнии за имя Христово... на пути постигоша мя вся злая. По лицу грешному воевода бил своими руками... везено с собою в запас хлепца, и тот хлеб он, Афонасей, у меня отнял... У меня же,

---

¹ Памятники истории старообрядчества XVII в., вып. 1. — РИБ, т. 39, Л., 1927, столб. 725. Далее столбцы указываются в скобках.

грешника, в той нужде умерли два сына. . .» (724—727). Это один облик Аввакума в челобитной.

Но в конце челобитной вслед за просьбой наказать Пашкова («А время ему и постричься, даже вперед не губит, на воеводствах живучи, христианства») следует «слезная», теперь уже защитительная речь Аввакума к царю о снисхождении к тяжко провинившемуся воеводе: «Токмо, государь, за мою досаду не вели ему мьстити. И паки тебе, государю, глаголю, слезы от очию моею испущая: не вели ему мьстити! . . . Аще стропотное, но мое он чадо, Афонасей Пашков, — и чадо мое, и брат мне по благодати. . . Аще и досаждают, но любовью их нам примати. Помилуй, государь царь православной, не оскорби бедную мою душу: не вели, государь, ему, Афонасью, мьстити своим праведным гневом царьским; но възыщи ево, яко Христос, заблуждшее овча, Адама. Твое бо, света, миловати и спасати всегда, и ныше, и присно, и до копчины» (730). Это уже иной облик протопopa.

Далее в записке, приложенной к челобитной, рассказ о Пашкове продолжается, но таким канцелярским языком, выделяющимся на фоне предыдущего повествования, словно о Пашкове пишет не страдавший от него человек, а некое «третье», приказное лицо, которое прежде всего печется о государственной казне и с необходимыми подробностями и цифрами сообщает царю об установленных фактах ее «протори»: «Да он же, Афонасей, увез из Острошков от Лариона Толбозина троих аманатов: Гаврилка, Алешку, Андрюшку. Да он же увез 19 человек ясырю у казаков: Бакулайко, да две ево дочери — имен их не помню — Марица, Анютка, две Овдотицы, четыре Маринки, две Палашки, и третья Овдотица ж, три Анютки ж, Офроска з братом с Ывашком. И те все люди у него. А та земляца без аманатав и досталь запустела, государевым людям быть не у чево, лише государеве казне напрасная проторь» (701—702). Таков третий облик автора.

После канцелярского донесения Аввакум во второй половине записки вновь возвращается к более эмоциональному тону изложения; но теперь перед царем предстает не страдалец за веру, а лишь свидетель злодеяний Пашкова, очевидец, с умеренной жалостью к жертвам рассказывающий о тех надругательствах над людьми, которые сам видел, но сам им не подвергался: «И он, Афонасей, ево, Иякова, за то, бив кнутом, жжег до смерти. И к моему, протопопову, зимовью мертвого кинул под окошко. . . А иных двух человек повесил, ей, безвинно. . . А иные ево, Афонасьевы, ругательства сказат странно и страшно: при смерти их и причащат мне не давал. . .» (702—704).

В целом получается, что Аввакум показывает деяния одного и того же преступника с четырех дополняющих друг друга точек зрения: жертвы, защитника, канцеляриста и свидетеля.

Тексты с разными точками зрения одного автора на одного и того же человека оказываются в соседстве в основном благодаря тому, что Аввакум к своей челобитной приложил записку о Пашкове. Действительно, без добавления записки не произошло бы изменения стилистического облика автора, рассказывающего о безжалостном воеводе то как бывший ссыльный, то как посторонний канцелярист. Но записка была добавлена совсем не для того, чтобы так сказать «рельефно» обрисовать фигуру злодея. Предположить это можно было бы, например, если бы челобитная с запиской ясно выражали стремление протопopa инсценировать воображаемый судебный процесс над Пашковым, где судьей мыслится царь, а функции истца, защитника, официального докладчика и привлеченного по делу свидетеля одновременно выполнял Аввакум.

Но такого намерения у Аввакума совершенно не заметно. Факты, приведенные в записке, помогали лишь полнее обосновать виновность воеводы.

То, что, добавляя записку, Аввакум не ставил перед собой цели создать литературный, «многоплановый» рассказ о жестоком начальнике, видно по тому, как разрозненные сведения о Пашкове, как, встречаясь в трех разных местах, они отделены друг от друга текстом иного содержания и занимают подчиненное место в общем ходе изложения. Так, свидетельства о жестокостях воеводы являются частью относительно цельного и самостоятельного рассказа Аввакума «о своих бедах и напастьях», четко выделяющегося в составе челобитной, или служат дополнением к нему. К иной теме отнесется просьба протопопа к царю о разрешении постричь воеводу Пашкова, не наказывая его более жестоко. Она примыкает — также лишь в качестве добавочной — к основной просьбе Аввакума в челобитной: «... а время отложит служебники новые и все его, Никоновы, затейки дурные!» (729).

Кроме того, тексты челобитной и записки, характеризующие даурского воеводу, стилистически различаются не настолько резко и последовательно, чтобы Аввакуму в данном случае можно было приписать сознательную «игру стилями». Этого здесь не ценили ни сам Аввакум, ни его читатели. Недаром в следующих редакциях первой челобитной записка о Пашкове была без жалости отброшена и пропал весь возможный эффект «многоплановости».²

Но почему Аввакум не осознавал того, что казалось бы было перед его глазами? Почему он ставил целью добавление лишь голых фактов там, где мы склонны связать все в единое повествование? Объяснение этому надо искать в одной неизученной традиции деловой письменности XVII в., которую Аввакум в данном случае использовал.

До сих пор записка о Пашкове рассматривалась исследователями как документ, в известной мере случайно присоединенный Аввакумом к первой челобитной. В изданиях сочинений Аввакума записку то издают отдельно от первой челобитной, то вместе, то вообще опускают. Отношение к записке как к «случайному» документу при первой челобитной осо-

² В записке в тесном соседстве находятся тексты, рассказывающие о Пашкове то с точки зрения служилого человека, производящего ревизию, то с точки зрения частного свидетеля. Но и это соседство не отражает стремления Аввакума связать в изложении разные точки зрения на человека. Можно заметить, что первая половина записки напоминает в сущности пересказ Аввакумом «чужой» челобитной. Перечисляя несправедливости Пашкова по отношению к «иноземцам», Аввакум как бы пересказывает челобитную «иноземцев», сохраняя некоторые специфически челобитные формулы и выражения: «... и оне и по се время, плачючи живут, мучася у него во дворе, пособит себе не могут. А быют челом великому государю, чтобы их свободил от порабощения и пожаловал в свой чин государев» (701). В деловой письменности «чужие» документы пересказываются другим автором обычно «холоднее», чем они написаны. Нетрудно убедиться в этом на множестве примеров, в том числе на примере пересказа первой челобитной Аввакума в челобитной дарю Ивана Неронова в том же 1664 г. (Материалы для истории раскола за первое время его существования, т. I. М., 1875, стр. 200—201. Далее: Материалы раскола), или на примере пересказа записки Аввакума о том, как постились пустозерские узники (719; пересказ предшествует самой записке). Отсюда понятно, почему, рассказывая о мытарствах «иноземцев», Аввакум в записке меняет тон повествования на более сухой, канцелярский.

В некоторой степени аналогичное изменение тона встречается во второй челобитной Аввакума царю 1664 г. Протопоп сообщает о «содомском» преступлении архимандрита «греченина» Дионисия и требует разбора этого преступления. В обычном эмоциональном тоне протопоп называет Дионисия «заворным человеком» и возмущенно вопрошает царя: «Мала ли беда, содомская сия скверна, во святыхлицех содеяна?» (751). Но непосредственно о самом преступлении Аввакум упоминает сухо, потому что, по-видимому, пересказывает факты из письма некоего отрока: «... прилучися ему (Дионисию) и во алтари скверну деяти со отроком, облекши дитище во святительския ризы и во амфор. И те вины дитищ написана дал...» (751).

бенно ясно отразилось в наиболее полном издании сочинений Аввакума — в 39-м томе Русской исторической библиотеки. Обычно послания и письма издаются здесь в составе тех произведений Аввакума, к которым они были приложены или с которыми были посланы. Например, ряд писем и посланий к боярыне Морозовой, кн. Урусовой и Даниловой, а также послание «ко всем горемыкам» и поучительные «ответы» протопопа по церковнослужебным вопросам, — все эти произведения, столь отличные от «Книги бесед», издаются вместе с «Книгой бесед», с которой они в свое время были посланы в качестве приложения (393—424). Что же касается первой челобитной, то, вопреки принятому в РИБ правилу, записка, подклеенная Аввакумом к первой челобитной, издается отдельно, в другом разделе книги, как самостоятельное произведение.³

В том, что такое разъединение неправильно и что первая челобитная и записка о Пашкове объединены Аввакумом не по случайной прихоти, убеждает широко распространенная в деловой письменности XVII в. традиция приложений.

Прежде всего необходимо различать разные традиции приложений и дополнений, существовавшие в разных жанрах древнерусской деловой письменности. Например, в частных письмах и посланиях второй половины XVI—XVII в. повсеместно была распространена непринужденная манера добавлять к уже законченному письму забытые ранее краткие замечания, поручения, сведения и пр., так и оставляя их вне основного текста. Аввакум тоже следует этой удобной традиции почти во всех своих многочисленных письмах, начиная с самого раннего известного нам письма 1653 г. к И. Неронову: «... со всеми нами во веки аминь. А пишущие, сказывают, от тебя ко мне пришло, да ко мне не дошло. А дом твой ни то, ни сё, без меня и пуши пропал: сказывают, пьянствуют да бранятся. А жена моя потерпела, да и з двора збежала. А братья разбрелся вся. А подголовок и ныне в церкви, неведомо цел, неведомо нет, а ключ у мня лежит».⁴

К иной традиции у протопопа Аввакума восходят добавления в посланиях церковно-поучительного содержания. Здесь основной, резюмирующий совет или наставление для большей выразительности иногда может переноситься за концовку послания. Например, в послании «рабом Христовым» 1660-х годов, в котором протопоп учит братию, как подбает бороться против никонианского учения и соблюдать в чистоте правую веру, заключительное, обобщающее наставление следует не перед, а после концовки послания: «Посем прости. Мир ти и благословение, и всем верным о Христе любовное целование и поклон от всех. Аминь. Не могу много говорить; одно говорю: не можешь ли явно воинствовати Христу и последовати по нем, яко апостол Петр и прочии мученицы: и ты буди яко тайный ученик Никодим жидовский, — в день со архиереи в соборе жидовском, а в нощи прииде ко Иисусу научитися истинне...» (828—830). Перенос завершающего совета или нравоучения за концовку относится к традициям поучительных посланий от духовных лиц и нередко встречается, например, в писаниях патриарха Никона.⁵

³ Отношение к записке как к «случайному» документу отразилось и в издании сочинений Аввакума Н. К. Гудзисом, который издал первую челобитную вообще без записки о Пашкове. См.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Редакция, вступительная статья и комментарий Н. К. Гудзия. Academia, [М., 1934], стр. 279—287.

⁴ Материалы раскола, т. 1, стр. 26.

⁵ Ср., например, челобитную Никона царю 1663 г. (Н. Гиббенет. Историческое исследование дела патриарха Никона, ч. 2. СПб., 1884, стр. 591 Далее Гиббенет. Историческое исследование).

Но записка о Пашкове, приложенная к первой челобитной Аввакума, ведет к традициям официальной деловой письменности, а именно к традиции приложения цельного документа к документу. Приложение документа к документу казалось бы существовало «вечно», с тех пор как возникла деловая письменность. Однако традиция приложения документа к документу в русской деловой письменности появилась лишь со Смутного времени, с самого конца XVI—начала XVII в., а ранее ее у нас не было. Проследим историю ее развития вплоть до Аввакума.

С начала 1600-х годов разнообразные документы в качестве приложений часто стали добавляться, подклеиваться к отпискам — этому новому документальному жанру, сформировавшемуся в Смутное время. Пишут ли устюжане вычегодцам, или нижегородцы вологжанам, или вологодский воевода пермскому воеводе, — постоянно к их отпискам — для пояснения и дополнения сообщений о ходе событий, для обоснования призывов бороться с иноземными оккупантами — подклеиваются прилагаемые отписки, челобитные, письма, распросные речи, грамоты, крестоцеловальные записи, воззвания, списки переговоров и т. д. и т. п.

Прилагасмый документ не являлся повествовательным продолжением главного документа. Роль приложения заключалась в том, чтобы добавить факты и сведения, степень авторитетности которых подчеркивалась формой прилагаемого документа. В отличие от «дела», где многочисленные самостоятельные документы, подклеенные в один столбец, тоже не составляют единого повествования, приложение документа к документу имело свои особенности: обычно прилагается один, редко два документа (и очень редко несколько приложений) и о прилагаемом документе обязательно предупреждается в конце главного документа.

Например, архангелогородский воевода Юрий Буйносов сообщает царю в своей отписке 1647 г. о том, по каким причинам, по чьему велению и как построили в Архангельске каменную палатку для пороховой казны. К отписке приложена «роспись» этой палатки, о чем воевода и предупреждает в конце отписки: «А какова, государь, ныне в Архангельском городе под твою государеву зеленую казну полата сделана совсем наготово, и что каких заводов и снастей в остатке и тому, государь, роспись под сею отпискою послали к тебе, государю. . .»⁶

Приведенное сочетание документов отличается от того, что приложено к челобитной Аввакума. Но мы не случайно привели в пример отписку 1640-х годов с «росписью». По нашим наблюдениям, с 1640-х годов наиболее частым приложением к воеводским отпискам становятся «росписи» хозяйственного содержания, т. е. перечни необходимых или имеющихся в наличии вещей, материалов, людей и т. п.

Однако если в конце XVI—начале XVII в. документы прилагались в основном к отпискам и в единичных случаях к царским и патриаршим грамотам,⁷ то затем традиция приложений (в той же функции: не для продолжения изложения, а для добавления фактов) распространяется и на иные виды публичных актов — наказания, памяти, справки и др.,⁸ а со второй половины—конца 1640-х годов документальные приложения появляются и у челобитных и сопровождаются такими же обязательными предупреждениями, какое было нормой для отписок. Приложения к челобитным в данном случае интересуют нас больше всего.

⁶ ДАИ, т. 3, СПб., 1848, № 31, стр. 112—113.

⁷ См., например, ААЭ, т. 2, СПб., 1836, №№ 1, 48, 67, 81; РИБ, т. 2, СПб., 1875, № 60.

⁸ Например, ДАИ, т. 3, №№ 65, 74; РИБ, т. 29, СПб., 1913, стр. 127.

Так, к челобитной 1651 г. ленских служилых людей царю прилагается послушной список, о чем и указывается в конце челобитной: «... и кто тебе, государю, на тех приступех служили..., а иных испереранили... и в которые места, и тому имена в послужном списке под сею челобитною за нашими руками».⁹ К челобитной бывшего патриарха Никона царю 1666 г. прилагаются распросные речи. Сообщая о приложении, Никон — и это примечательно — называет свою челобитную отпиской: «... и с того ево письма и с роспросных речей списав список, послал я, богомолец твой, к тебе, великому государю, под сею отпискою».¹⁰ Примечательно также, что к челобитным, как и к отпискам, особенно часто прилагаются «росписи».¹¹ Теперь мы подходим к примерам, близким записке, приложенной к аввакумовской челобитной.

К воеводским отпискам и царским грамотам мог быть приложен практически любой официальный документ, в том числе грамоты и отписки. К челобитным же, а тем более к посланиям и письмам, грамоты и отписки, как правило, не прилагались. Круг официальных документов, которые могли быть приложены к челобитным, был явно сужен. Для писем же правилом было вообще отсутствие документальных приложений.¹²

В соответствии с этой иерархией приложений, к челобитным в отличие от отписок могли прилагаться документы менее официального характера, отличавшиеся большей субъективностью повествования и меньшей установленностью жанровых признаков: «росписи вин» или «росписи улик», не имеющие какой-либо строго установленной формы изложения. Примером челобитной, к которой приложена большая «роспись улик», может служить челобитная царю соловецкого архимандрита Варфоломея 1666 года. Архимандрит прилагает к челобитной список неблагоприятных и уголовно наказуемых поступков семи соловецких старцев. Например, «Улики на старца Герасима Фирсова», раскольничьего публициста: «Он же, старец Герасим, у старца своего Исаяи украл денег сто двадцать рублей... Он же, Герасим Фирсов, украл у брата своего келейного, у старца Нектарья, денег семдесят рублей... Он же, Герасим, ... рыбу продавал без монастырского указу... Да он же... дважды обманул болничного старца Меркурья слепово», и т. д. и т. п.¹³

Записка Аввакума, приложенная к первой челобитной, отчасти напоминает «роспись вин» специфической «перечневатостью» изложения: «... Да он же, Афонасей, увез из Острошков от Лариона Толбозина троих аманатов... Да он же увез 19 человек ясырю у казаков... Да он же, Офонасей, государевых служилых двух человек взял во двор к себе силою... Да он жо, Афонасей... переморил болши пяти сот человек го-

⁹ ДАИ, т. 3, № 87, стр. 321.

¹⁰ Гиббенет. Историческое исследование, ч. 2, стр. 971.

¹¹ Один из ранних примеров: челобитная царю старосты московской суконной сотни 1649 г. — ДАИ, т. 3, № 47, стр. 156.

¹² Если возникала нужда добавить к письму, например, челобитную, то добавлялась не сама челобитная, а лишь ее изложение. Так, Иван Неронов, закончив письмо к Стефану Вонифатьеву 1654 г. («Прочее же кождо вас обымая, целуя»), добавляет послание или челобитную, которую он хотел бы подать царю через Стефана; но не непосредственно ее текст, а ее изложение: «Болезнь же сердца моего возвести государю-царю, что верую в господа Исуса Христа, и во истину равноапостолу. Рцы ему, государю: Иоанн протопоп скорби на тя не имать, но церковь. Внимай, государь, полно спать! Аще и аз милости не получих: поне братия; ако да долготелен будещи на земли. Прости, молюся, Христа ради... Прочее же воля господня да будет» (Материалы раскола, т. 1, стр. 104). Характерно, как Неронов переходит к прямым обращениям к царю, хотя пишет к Стефану.

¹³ Материалы раскола, т. 3. М., 1878, стр. 85 и сл.

лодную смертью... Да он же, Афонасей Пашков, двух человек... бил кнутом» и т. д. (701—702). Но на этом аналогии не кончаются.

К челобитным в отличие от отписок могли прилагать и документы явно не официальные — так называемые записки. Трудно выделить четкие жанровые признаки записок, которые как самостоятельный вид документов начали употребляться поздно, по-видимому со второй трети XVII в., и жанрово не успели оформиться. Можно лишь заметить, что записка — это не нормативная, а повествовательная запись «для памяти» или «для вестей», нередко от имени частного лица или же безымянная, рассказывающая о событиях в приблизительном хронологическом порядке и обычно начинающаяся с обозначения даты («В таком-то году, месяца такого-то, в такой-то день...»). Записки обычно не имеют особого заглавия, одиночные их названия неустойчивы (иногда «список со списка», иногда «записка», иногда, если писано с Украины, — «вестовое письмо»), но, пожалуй, чаще записку называют «росписью».¹⁴

Записки, прилагаемые к документам, также не продолжают изложения главного документа, а предназначаются для добавления фактов. От жанра прилагаемого документа зависит степень авторитетности, официальной подтвержденности добавляемых фактов, и записка в этом отношении наименее официально.

Один из ранних примеров использования записки в качестве приложения находим в послании протопопа Ивана Неронова царю 1653 г. Оправдываясь перед царем, сосланный Неронов подробно вспоминает, о чем у него был разговор с патриархом Никоном, и свою записку об этих «речах» прилагает к посланию. Предупреждая в конце послания о приложенной записке («А что моих словес с ним, государем святителем, было, написах вкратце и послал к тебе, государю царю благочестивому»), Неронов называет ее «росписью», хотя на «роспись» эта записка совершенно не похожа, повествуя об участии Неронова в споре между Никоном и протопопом Логгином: «Бысть, государь, собрание нынешняго времени, июля месяца у отцначальника в крестовой первой...». И далее следует рассказ о том, что сказал Логгин, что ему отвечали в крестовой палате, что отвечал Логгин, что сделал Никон и т. д.¹⁵

Аналогичный случай встречаем в первой челобитной протопопа Аввакума. Приложение к первой челобитной удачно назвал запиской Н. Субботин, в 1879 г. впервые издавший собрание сочинений Аввакума.¹⁶ И действительно, как обычно для записок, записка о Пашкове не имеет особого заглавия, начинается с даты («В 169 году Афонасей Пашков увез из Даур Никанск земли два иноземца...») и повествует в относительно хронологическом порядке о злоупотреблениях Пашкова сначала на пути в Даурию, затем в самой Даурии.

Итак, приложение записки к первой челобитной Аввакума — явление не единичное; протопоп следовал традиции приложений, уже более по-

¹⁴ «Списком со списка» названа записка 1654 г. некоего Акимя Недовескова о том, «отчево на Городецке почался мор» (Гиббснет. Историческое исследование, ч. 2, стр. 484—485); «запиской» и «запиской о встях» называются записки дьяков 1648—1649 гг. о казацкой войне в Польше (АЮЗР, т. 3, СПб, 1861, № 243, стр. 278; № 301, стр. 392); «вестовым письмом» названа записка подьячего о виденном и слышанном на Украине в 1651 г. (АЮЗР, т. 3, № 328, стр. 465); «росписью» названа записка конца 1665—начала 1666 г. подьяка Федора Трофимова: «Роспись, за что я, Фетка, Никона патриарха и учеников его еретиками и отступниками называл и называю». Но это типичная записка, что видно по ее началу. «В 165-м году был, я Фетка, у нево, Никона... И в то время пришло к нему дьяк ево Иван Кокошилов, и он с ними говорил от книг многия речи» (Материалы раскола, т. 4. М., 1848, стр. 285).

¹⁵ Материалы раскола, т. 1, стр. 40 и сл.

¹⁶ Материалы раскола, т. 5. М., 1879, стр. 133.

лувека бытовавшей в русской деловой письменности и предназначавшейся не для продолжения изложения одного документа другим, а для добавления документально засвидетельствованных фактов и сведений, которых по каким-либо соображениям нельзя было включить в основной документ. Отсюда понятно, почему Аввакум рассматривал свою записку не как повествовательное продолжение челобитной, а как фактографическое дополнение к ней.¹⁷

Традиция приложений явно наталкивала авторов на «многоплановое» изображение человека или событий, но одновременно мешала этому тем, что приложение и основной документ не мыслились как единый повествовательный комплекс. Так получилось, например, задолго до Аввакума, в «Сказании известном» 1619 г. о поставлении русского патриарха Филарета Никитича.

К «Сказанию» — с соответствующим предупреждением — приложена благословенная грамота иерусалимского патриарха Феофана, рассказывающая частично о тех же фактах, что и «Сказание». Но если о возвращении Филарета из польского плена и о его избрании патриархом «Сказание» повествует в торжественном, официально-безличном тоне (Филарета «царь Михаил срет далече от царствующего града... течаху вси, на лицо сего зряше с радостию...»), Феофан собирает митрополитов, чтобы уговорить Филарета согласиться быть избранным в патриархи: «И сих ради святейший патриарх Иеросалима града совет составляет с преосвященными митрополиты...» и т. д.¹⁸), то о том же Феофан в своей грамоте вспоминает в торжественном, но более живом тоне очевидца и непосредственного участника событий, который шел в толпе встречавших и беседовал с Филаретом лицом к лицу («Ему же в сретение изыде благочестивый и святопомазанный царь, того сын, и вси людие... с толикою радостию, якоже слышах и зрех... Его же и очима моима видех, и видев и возрадовахся, к нему же и беседовах и пржебывших тому скорбий; также помалу разсмотрех мужа... начах молити оного к восприятию патриаршества...»)¹⁹.

Но совершенно ясно, что составители «Сказания» не стремились разносторонне, под разными «углами зрения» показать избрание русского патриарха. Соответствующие места в «Сказании» и грамоте никак не связаны. Грамота Феофана нужна была составителям не как продолжение или дополнение повествования «Сказания», а скорее лишь как торжественное, официальное заверение или подтверждение всего изложенного

¹⁷ В первой челобитной Аввакума нет обычного предупреждения о приложении. Это отступление от нормы вполне согласуется с состоянием традиции приложений в деловой письменности 1660-х годов. В челобитных и посланиях этого времени предупреждают о приложениях далеко не всегда; особенно часто не предупреждают в тех случаях, когда прилагаются «росписи вин» или «записки», писанные лицами, не имеющими официального положения, опальными, заключенными, ссыльными. Например, отсутствует предупреждение о «Росписи уликама на черного дьякона на Агафатгела грека», которая приложена заключенным в тюрьму дьяконом Моисеем к его челобитной царю 1666 г. по поводу пересмотра наказания (Гиббенет. Историческое исследование, ч. 2, стр. 787—792). Нет предупреждения о приложении в челобитной Ивана Неронова 1667 г. вселенским патриархам, которая вместе с запиской о Никоне была послана Нероновым из заключения, из Спасокаменного монастыря (Материалы раскола, т. 1, стр. 233 и сл.). Нет предупреждения о приложенных «речах» Никона и в челобитной царю бывшего строителя Воскресенского монастыря Аарона, посланной в 1663 г. вместе с запиской из Боявленского монастыря, куда был заточен Аарон (Гиббенет. Историческое исследование, ч. 2, стр. 640). Неудивительно, что и у Аввакума, только что вернувшегося из ссылки и не занимавшего никакого официального положения, тоже нет предупреждения о приложении записки к первой челобитной.

¹⁸ ДАИ, т. 2, СПб., 1846, № 76; стр. 199—200.

¹⁹ ДАИ, т. 2, стр. 204.

в «Сказании» об избрании Филарета. Недаром, предупреждая о приложении, составители «Сказания» подчеркнули роскошный внешний вид грамоты Феофана — «на хартии написану златом и червлеными шарми...».²⁰ Получившийся же элемент «многоплановости» остался совершенно неосознанным.

Отношение к приложениям только как к справочно-обосновательному материалу до конца XVII в. мешало авторам заметить возникающую у них «многоплановость» изложения, какие бы разные авторские точки зрения на события и как бы тесно ни соседствовали. Это хорошо видно в некоторых житиях второй половины XVII в., на которые распространилась традиция документальных приложений. Например, в одном из соловецких сборников житий к повествованию о чудесах Ивана и Логгица Яренгских приложено много крестьянских распросных речей 1624 г., не только пополняющих сведения о чудесах святых, но вносящих в житийный тон рассказа о чудесах деловой стиль приложенных записей высказываний очевидцев и свидетелей.²¹ Однако подобный эффект в то время не был осознан.

В том же сборнике помещено житие Германа Соловецкого с приложением разных документов, в том числе копии грамоты 1690 г. холмогорского архиепископа Афанасия, отражающей более сдержанный, чем в житии, даже несколько скептический взгляд Афанасия на степень святости Германа, которого соловецкие монахи просили канонизировать как святого.²² Приложенные документы используются лишь для того, чтобы показать ход рассмотрения дела о полагающихся Герману церковных службах — и только.

Но в рассматриваемой традиции довольно рано, хотя и медленно, стали развиваться тенденции к повествовательной связи приложения с основным произведением, к объединению их в единое повествование. Заметный шаг к этому был сделан примерно в 1640-х годах, когда в качестве приложений особенно часто стали добавлять «росписи», а затем и «росписи вин» и записки, т. е. документы, составленные обычно в одно и то же время и одним и тем же автором, что и основной документ, а своей неопределенной документальной формой (особенно записки) не так резко отличавшиеся от формы повествования основного документа. С отражением этого явления мы как раз и встречаемся в первой челобитной Аввакума и приложенной к ней записке о Пашкове.

Почему же Аввакум, несмотря на сравнительно тесное соседство текстов с разным обликом авторов, рассказывающих о Пашкове, и несмотря на начавшееся преодоление оторванности приложения от основного повествования, так и не заметил получившейся у него «многоплановости» изложения в целом? Несомненно потому, что тенденция к повествовательному объединению проявилась еще слишком слабо и формально.

В дальнейшем тенденция к более тесной связи приложения с основным текстом усиливается.²³ Однако только лишь в конце XVII в. в не-

²⁰ ДАИ, т. 2, стр. 202—203.

²¹ ГПБ, Соловецкое собрание, № 182, лл. 126—141 об.

²² ГПБ, Соловецкое собрание, № 182, лл. 14—16. — Ср., например, как в 1648—середине 1650-х годов, составляя житие тройце-сергиева архимандрита Дионисия, Симон Азарьин лишь для полноты сведений о преподобном прибавил несколько документов в качестве приложения: послание-записку Ивана Наседки, речи Дионисия, послания восточных патриархов и пр., которые с разных точек зрения касаются личности Дионисия. — См. в кн.: В. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 352—353.

²³ Например, в пятой челобитной Аввакума, написанной через несколько лет после первой, в 1669 г., отражается процесс формального превращения самостоятельного документа — приложения в обычное эпистолярное добавление, естественно продолжающее

которых документально-исторических и летописных сочинениях и компиляциях можно отметить слабые литературные результаты развития данной тенденции, выражающиеся в том, что прилагаемые документы могут получать особые смысловые оттенки благодаря тесной связи с текстом основного произведения.²⁴ Этим отличаются, кстати, самые «сухие» документы среди приложений — «росписи».

Существует, например, записка о польском походе Алексея Михайловича в 1655 г. с приложенной росписью покоренных царем городов.²⁵ В одном из более поздних списков этой записки, относящемся к 1680-м годам и до сих пор не опубликованном,²⁶ прилагаемая роспись городов звучит более торжественно, так как настраивающие на торжественное восприятие слова специально добавлены в этом списке в заглавие

повествование основного документа. К основному тексту пятой челобитной, разбирающей вопросы веры и отношение царя к раскольникам, добавлено три больших рассказа о видениях Аввакума — для подтверждения его правоты перед Алексеем Михайловичем. Если два рассказа являются добавлениями эпистолярного характера, то один рассказ (о видении Аввакума, будто его тело распространилось и охватило весь мир) имеет стертые черты как бы отдельного документального приложения. У него особое вступление — заглавие («царь-государь Алексей Михайлович, — начинает рассказ Аввакум, — хочу тебе сказать, яко мнит ми ся, не коснит господь о кончине моей... Послушай, державне, побеседую ти яко, лицом к лицу», — 763); рассказ начинается с даты, напоминая о начальной формуле записок («Нынешняя 177 году в великий пост, на первой неделе по обычаю моему хлеба не ядох в понеделник...»), в то время как рассказ о другом видении начинается в более обычной манере («Некогда мне молящуся...», — 761). Соответственно различается и дальнейшее повествование в обоих рассказах. Если в одном Аввакум говорит о своем состоянии перед видением в высоком стиле («... и от труда своего аз многогрешный падох на лица своем, плакахся и рыдая горко, и туги великия забыхся»), то о том же в интересующем нас рассказе сообщается в конкретно-документальном плане («в пяток же... прииде на мя озноба зело люта, и на печи зубы мои розбило з дрожи... прости, царю, за невежество мое, от дрожи тоя нападе на мя мыт», т. е. понос, и т. д., — 763). В остальном же рассказ ничем не отличается от эпистолярного добавления.

²⁴ Литературные черты в самих прилагаемых документах, вне связи их с основным произведением, встречаются, конечно, раньше, в особенности примерно со второй четверти XVII в., когда приложения стали добавлять иногда не столько со справочно-обосновательной целью, сколько ради интересных для читателя сведений или выразительных деталей. Например, к известной Повести кн. Катырева-Ростовского 1626 г. автор приложил нечто вроде любопытной «росписи» русских царей под названием «Написание вкратце о царех московских, о образех их, и о возрасте, и о нравех» (РИБ, т. 13, СПб., 1909, стлб. 619—622). Примечательно, что Катырев-Ростовский, в свое время служивший тобольским воеводой, по-видимому, хорошо знал традицию документальных приложений к воеводским отпискам. (За указание сведений о тобольском воеводстве Катырева приношу благодарность Е. К. Ромодановской). Другие примеры: к «Повести о писании известном» 1647 г. о сватовстве датского королевича Вальдемара к дочери царя Михаила Федоровича Ирине приложен «Летописец и родословец вкратце. Почему блаженный памяти царь и государь и великий князь Михаил Феодорович всяя Руссии самодержецу имался внук царю Иоанну Василиевичу всяя Русии» (А. Голубцов. Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. — ЧОИДР, 1892, кн. 2, отд. II, № 1, стр. 21—22). К Посланию 1652 г. царя Алексея Михайловича Никону приложен статейный список Алексея о смерти патриарха Иосифа, изобилующий чрезвычайно выразительными, иногда даже натуралистическими наблюдениями царя над тем, как болен и умер Иосиф (ААЭ, т. 4, СПб., 1836, № 57, стр. 77—87). В Хронографе 1679 г. к статье о моровом поветрии в Москве в 7162 г. приложена отписка царю о несчастье, добавляющая наглядные детали: «... мертвых телеса во граде и за градом лежат псы влачимаы... и ямы копать некому... А приказы, государь, все заперты...» и т. п. (А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 282). К некоторым спискам конца XVII—нач. XVIII в. Повести о зачале Москвы прибавлены сообщения о надписях на Спасских воротах Кремля (Повести о начале Москвы. Исследования и подготовка текстов М. А. Салминой. Изд. «Наука», М.—Л., 1964, стр. 180, сноска V, 2; стр. 187).

²⁵ Издана по списку из архива Ф. Волконского в ААЭ, т. 4, № 89, стр. 129.

²⁶ ГПБ, Погод. собр., № 1403, л. 655.

росписи: «Роспись городом которые имал ... Алексей Михайлович... своим походом и царским величеством и счастием и грозюю».

Иногда авторы добиваются особой значительности росписи за счет контекста произведения, к которому роспись приложена. Например, в летописи Двинской в списке конца XVII—начала XVIII в. к статье под 1691 г. об освящении соборной Преображенской церкви на Холмогорах приложена хозяйственная «смета» — «Сколько же к тому строению принято... припасов и что куплено... и по какой цене...».²⁷ Но это не простая, а, так сказать, торжественная роспись, рассчитанная на то, чтобы произвести впечатление на читателя сведениями о количестве затраченных средств. Пусть этих средств затрачено относительно и не так много, но в тексте перед «сметой» летописец постоянно подчеркивает исключительность мероприятия: подробно говорит о ходе строительства, высчитывает с точностью вплоть до одного дня, сколько времени строили церковь, перечисляет ее особые признаки («...каменная, первая, самим создателем преосвященным Афанасием архиепископом» освященная), указывает подробно ценности, в ней хранящиеся. На этом фоне «смета» — очень подробный перечень количества железа, кирпичей, извести и пр. — приобретает особую значительность.

Сходный эффект находим в одном из списков «поэтической» Повести об Азовском осадном сидении (БАН.32.11.7), в котором после слов, заканчивающих повесть, — «Будет во веки славна лавра Предтечева» — добавлена роспись: «И после тех же атаманов и казаков, что им надобно в Азов для осадного сидения: 10 000 людей, 50 000 всякого запаса, 20 000 пуд зелья, 10 000 мушкетов, а денег на то на все надобно 221 000 рублей».²⁸ Но на фоне фантастических цифр повести и эта роспись выглядит фантастической.

Своеобразное осмысление получает роспись в одной летописной записке конца XVII в. о стрельцком бунте.²⁹ К статье под 19 мая 1682 г., рассказывающей о судьбе К. П. Нарышкина, приложена «Роспись, которые по стрельцкому приговору розсланы были по розным городам». Речь идет о сосланных боярах и боярских детях, но роспись имеет не просто справочное значение, так как перечисляет сосланных в сибирские города бывших «сильных мира сего» в контексте общего рассказа о том, как неожиданно круто повернулась судьба богатых и знатных: дьяка пытаются стрельцы («Дьяка Михайла Вешнякова по доводу людей ево пытали стрельцы»), боярин земно кланяется стрельцам («боярин Кирила Полуехтович трожди стрельцам в землю челом»), боярское имущество ценится самой дешевой ценою («А которых баяр и думных стрельцы порубили и животы их... переписаны и оценены самую дешевой ценою»), отрубленные боярские головы носят со всякими гадинами («И голову...нося, на копые взоткнули на долгой жа шест, где висели не знама какие гадины, иные называли морския рыбы о семи хвостах и о пяти»³⁰). Роспись наравне с основным текстом продолжает тему поворота в судьбе знатных людей.

Итак, литературным итогом углубления связей прилагаемого документа с основным произведением было то, что в конце XVII в. на приложение иногда стал как бы падать повествовательно-стилистический ответ основного произведения. Такой литературный результат, несомненно, менее зна-

²⁷ Л. П. Титов. Летопись Двинская. М., 1889, стр. 58—61.

²⁸ Русские повести XVII в. ГИХЛ, 1954, стр. 73.

²⁹ М. Н. Тихомиров. Записки приказных людей конца XVII в. — ТОДРА, т. XII, М.—Л., 1956, стр. 448—456.

³⁰ М. Н. Тихомиров. Записки приказных людей конца XVII в., стр. 451, 453.

чителен, чем «многоплановое» изображение человека или событий, к которому, казалось бы, вела традиция документальных приложений. Но для того чтобы при использовании рассмотренной традиции деловой письменности была открыта «многоплановость» как литературное средство, вероятно, требовалось большее: не только преодоление чисто делового, фактографического характера традиции, но и какие-то изменения во взглядах на произведение и на автора. Литературная история традиции приложений началась лишь с конца XVII в. Все, что было до этого, в том числе и то, что сделал Аввакум, относится к литературной предыстории традиции, как ни парадоксально, более яркой, чем история ее последующего литературного использования.

Заметим в заключение, что нельзя рассматривать односторонне процесс взаимодействия литературы и деловой письменности только как влияние первой на вторую, только как постепенное превращение делопроизводственных традиций в литературные. Нельзя исходить из предпосылки, будто литературные тенденции всегда или в конечном счете преобладали над деловыми. Так, еще предстоит выяснить, какое из встречных движений во второй половине XVII в. стало преобладающим: литература осваивала деловую письменность, но и деловая письменность проникала во многие жанры литературы, не поддаваясь или очень туго поддаваясь последней. Один из примеров этого показан в данной статье. Думается, что накопление подобных явлений к Петровскому времени способствовало своеобразному «отливу» литературы в сторону канцелярско-деловую.
